

Валерий НЕУДАХИН

ФРОНТОВАЯ СЕСТРА

С.П. Козубенко посвящается

Утро щедрот от природы не добавило. Солнце проглядывало сквозь плотную завесу облаков, растягивая дымчатое марево на горизонте. В воздухе держалась водяная взвесь тумана, надежно укутывая деревья, дома и парки. Люди кутались в куртки и осенние пальто, ожидая ухудшения погоды. Праздничное настроение омрачилось, и казалось, ничто не в состоянии этого поправить.

Но вот первый яркий луч пробился через небесную вату, осветив большой жилой массив. Обрадованно потянулись к солнцу деревья, успевшие выбросить листву, заиграли красным запоздалые тюльпаны на клумбе, рассыпался белый цвет яблонь. Потянул ветерок, разгоняя тучи, играясь с кронами. Расшевелил праздничные флаги и транспаранты, оживил несколько мрачноватую картинку. Уже полчаса спустя улицы наполнились людьми, зазвучала музыка. Вскоре тепло оповестило о себе в полную силу, и люди принялись снимать куртки, джемпера, плащи. Это разукрасило улицы яркими красками рубашек и

футболок, что оживило и дополнило преобладающий красный цвет.

К праздничной трибуне, заполненной ветеранами, немолодой мужчина подвел женщину в возрасте. Усадил на краю лавочки, предупредил, что будет недалеко. В скромном плаще, в берете, она выглядела празднично, но скромно, ничем не выделяясь среди обеленных сединой мужчин и женщин, скорее выдавалась простотой и целомудрием. Со стороны казался неудобным среди празднично и ярко одетых людей, надевших ордена и медали, такой невзыскательный вид. Она, чувствуется, и не претендовала на излишнее внимание, довольна тем, что приглашена на центральную трибуну в качестве гостьи.

Вскоре начался парад. Прошли военные, кадеты. Люди готовились к возложению венков к Мемориалу Славы. Старики, с трудом передвигаясь, подходили первыми, укладывали цветы на постамент. Их, прошедших ад фронтовых дорог, осталось в живых мало. Защелкали фотоаппараты, звучала музыка из колонок. Распорядитель

Валерий Фёдорович НЕУДАХИН, поэт, прозаик, краевед. Родился в 1955 году. Окончил Тюменское Высшее военно-инженерное училище. Служил на разных должностях в Вооруженных силах РФ. Автор нескольких книг.

Живёт в Бийске.

попросил ветеранов сделать общую фотографию и принялся расставлять немолодых людей терпеливо и со вниманием. Она скромно подошла и встала с краю шеренги этого боевого братства.

— Бабушка, Вы не могли бы снять плащ? — обратились к ней. Дрожащими пальцами принялась теревить пуговицы, не желающие подаваться. Рядом оказался тот самый мужчина, он бережно, с какой-то особой заботой помог.

И тут же зашептались со всех сторон знающие и понимающие люди. Орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», — не привыкла носить другие награды. Наиболее ценные для себя, надевала! От перешёптывания зарделась, расправила плечи. Морщинки вокруг давно выцветших до нереальной прозрачности глаз разгладились. Очаровательная улыбка тенью легла на лице. Скромно поправила берет, из-под которого угадывалась некогда богатая копна волос, а теперь воздушно-белый одуванчиковый убор. Сверкнула на солнце потрескавшейся эмалью ее «Звездочка», она бережно потрогала рукой «Отвагу», словно проверяя, не пропала ли ее награда в этой весенней толчее.

Вокруг суетились люди, стараясь сделать удачные кадры. Они стояли простые и строгие, понимая, что, может, последний раз оказались на этой площади. Возраст! Раны войны не дают покоя ночами, не помогают уже и лекарства. Просто терпят. Как терпели тогда, на фронте. От частных домов потянуло дымом сжигаемой листвы. Дым колыхнул память, почудилось, что вновь с боевыми друзьями полка. Явственно напомнили о себе запахи гари и пожара, махорки из солдатских кисетов,

потных солдатских тел, пороха и машинного масла, запомнившиеся своей непередаваемостью, какие могут существовать только на поле боя и в солдатских окопах.

Больно глазам, слезы побежали на морщины щек и скатывались вниз. Она сразу растерялась, не зная, куда идти, но тут же подхваченная заботливой рукой мужчины послушно пошла в указанном направлении. Сидя на скамейке, ждала кашу из настоящего солдатского котла, так любимую ею и вспоминаемую добрыми словами. Весеннее солнце грело плечи через ткань плаща, предусмотрительно надетого на плечи. Посторонние люди улыбались и поздравляли с праздником, она механически отвечала. Только мысли казались далеко в Европе. В центре послевоенного Берлина, район Моабит...

С Ванечкой они познакомились случайно, видимо, их свела судьба. Сошлись дороги, кто-то умело направлял их пути. Фронтальная хирургическая сестра, прошедшая дороги войны от Сталинградской битвы, где начинала санинструктором. Большую часть пути по-пластунски на животе и на коленках по столь неласковой почве, отталкиваясь от земли. Или, наоборот, толкая ее от себя. Вмерзая в лед и втираясь в пыль поля боя, вытаскивая на себе раненых, порой потерявших сознание красноармейцев. Коротая ночи в землянках и блиндажах. Падая от усталости и засыпая, прислонившись к стенке окопа.

Она не считала, скольких бойцов донесла на себе и спасла жизнь. Не от смелости, а от отчаяния лезла в самое пекло. Рвала зубами бинты, замерзшими руками рвала обмундирование, закрывала собой раны, от попадания в них

грязи. Навидалась такого, что хватило бы не на один десяток людей. Ее любили, ей верили и оберегали. Да только война не спрашивала! При взятии одной из высот, жалея раненых бойцов, что ушли вперед и залегли под кинжальным огнем, подняла роту в атаку. Так случилось – офицеров не осталось в живых, а кто-то должен встать из цепи и повести замерзавших в снегу людей. Красная Звезда украсила ее грудь.

Эта звездочка спасла ей жизнь, прилетел осколок от разорвавшейся мины. Странно прилетел: она сидела в окопе во время артподготовки, один из тысяч кусочков металла попал в камень на бруствере и рикошетом ударил, казалось, в самое сердце. Она очнулась от того, что ей неумело оказывали помощь, из разговоров поняла, что осколок попал в орден. Принял на себя удар, только эмаль треснула. После госпиталя ее оставили в медсанбате, обучили хитростям медицинского ремесла, и она встала у хирургического стола, заменив погибшую при бомбежке предшественницу. Сколько операций под обстрелом, под простым фитилем в снарядной гильзе! В иные дни засыпали от усталости на носилках, не выходя из палатки.

В тот день большие потери несли подразделения. Враг упорно сопротивлялся, цеплялся за каждую пядь земли, настойчиво обороняя город. Большое количество раненых, переполненные палатки. Солдат располагали под открытым небом. Медперсонал на ногах держался с трудом. В сумерки привезли сержанта – сапера с ранением в грудь. Хирург качал головой – не осталось обезболивающих лекарств, как делать операцию? Пришел в сознание специалист,

усмехнулся – делайте так, потерплю. Он вообще любил смеяться, лучшее лекарство! Терпел, шутил и улыбался. А она понимала как тяжело ему, вытирала салфетками пот со лба, стараясь хоть как-то облегчить страдания. А парнишка все обещал: заштопайте, жив буду, женюсь на тебе сестренка.

Пролежал в санбате три дня и на четвертый сбежал – долечусь. На перевязку буду ходить ежедневно. И ходил, благодаря затишью, образовавшемуся после взятия города. Они встречались, так изголодались души молодых людей по простому общению. В такие минуты забывались фронтовые заботы, невесомыми фразами, легкими прикосновениями пробуждалась любовь, так ожидаемая, о которой боялись думать. Осенний лес, выбранный для коротких прогулок, скрывал туманом их фигуры. Мягкой листвой скрадывал звук шагов и щебетом птиц создавал атмосферу спокойствия. Словно нет кругом войны. Солнечные лучи проникали между ветвей деревьев, рисовали немудренную картину величия и полноты красок с преобладанием красно-желтого царства дубовой рощи, высвечивая паутину, в которой продолжал жить паучок, разрисовывая ажуром свободное пространство.

Ваня любил приносить что-нибудь необыкновенное. Пока добирается до медсанбата, нарвет большой красивый букет листьев клена. То скромненькую веточку с желудями преподнесёт. Простые стебли травы в его руках превращались в удивительные букеты. Соскучившись по мирной жизни, они часами рассказывали о своем детстве, о друзьях и подругах. Потом он провожал до расположения и бежал в подразделение.

Начинались бои, они беспокоились и не находили места, пока не приходили дни затишья, доставалось их для общения так мало. Фронт катил вражескую махину в логово, скоро окончится война, и заживут люди мирной жизнью.

В один особенно романтичный осенний вечер, высыпавшийся тысячами звезд на темнеющий небосклон, он подхватил ее на руки и понес напрямую через ручей. Испуганно прижавшись, молчала. Молчал и Ваня, только горячее дыхание слилось в едином порыве. Молотили в груди сердца, отбивая ритм жизни. Бережно опустил подругу на берег и коснулся губами щеки. Как горячи они казались! И не задумываясь, она ответила. Зашлись в томлении и очнулись от изнеможения, испив с губ сладкую и нежную справедливость жизни. Вселенскую правду бытия. Не количеством вдохов и выдохов измеряли они свои сущности в тот вечер, а количеством мгновений, когда от счастья перехватывало дух.

С победного года она почувствовала в себе начало новой жизни. Так волнительны и непривычны казались ощущения. Боясь о них рассказать кому-либо, убегала в лес за палатку. Тошнило, с этой напастью справлялась с трудом. Вдруг отправят в тыл. А как же Ванечка?

Они стояли посреди разрушенного города. Жалко смотрелись рухнувшие дома, разбитые дороги и особенно беженцы, передвигающиеся мелкими группами со своим скарбом. Хотелось скорее забыть бои, изнурительные марши по дорогам войны, кровь и гарь.

Весеннее солнце яростно исправляло человеческую ошибку, раскрывая в жизненные тона

развалины города. Откуда взялся тот военный корреспондент, предложивший сделать общее фото на развалинах Берлина? Он тщательно выстраивал бойцов посреди улицы, отбегал, нацеливался и возвращался, чтобы кого-то переставить. Запахи боя, махры и обеденного супа распространялись в окрестностях. Наконец, довольный, что выполнил историческую миссию, принялся элегантно и шутиливо раскланиваться.

Раздались крики в глубине улицы. Первоначально никто не обратил внимание. Прозвучи они на минуту раньше или позже! Спустя мгновение выяснилось – в перекрытии второго этажа застряла авиационная бомба. Зацепилась оперением и взрыватель не сработал. Не могло возникнуть сомнений – первым к ней отправился Иван. Улицу оцепили. Все по-военному буднично.

– Не беспокойся, дочка. Для нашего сержанта это задача легкая.

Пора! Пора рассказать любимому, что у них будет ребенок. Вот вернется, и она обязательно скажет. Что же так сердце укололо?...

По тротуару шел Иван, держа в руках взрыватель. Безопасно! Она потянулась к нему, сделала несколько шагов и кожей почувствовала опасность. Боковое зрениехватило большой кусок стены, который начал клониться в сторону уличного полотна. С каждым мгновением скорость наклона возрастала. Крик сдавил горло, и она лишь увидела, как всей массой кирпичная кладка обрушилась на тротуар и на дорожное полотно. В облаке пыли исчез любимый Ванечка.

Быстрее! Прямо в пыль, не успевшую осесть. Она хватала руками кирпичи, отбрасывала в сторону. Скребла пальцами в кровь

крупные обломки, давно не замечая, что бойцы пришли на помощь, спасая жизнь командира. Ее оттащил старый боец и когда, наконец, отпустил, она, расталкивая толпу, пробилась к месту происшествия. На земле в пыли и кирпичной крошке лежал любимый. Струйка крови стекала на брусчатку. Последняя жертва войны!! Она так и не успела порадовать известием. Ушел из жизни сапер, сержант Ванюша.

Нестерпимо больно толкнул плод в живот. Как мы теперь без отца?

Она не плакала, замкнулась в молчании. Прошло мимо ума и сердца известие о возвращении домой. Она ехала на родину и только в поезде принялась осознавать произошедшие события. В тесно-

те вагона для нее находили место, но и это принимала равнодушно. Только во сне приходил к ней Ванюша, виновато просил прощения за то, что не уберег себя. Моментами становилось совсем тошно, и она пробиралась к открытой двери и глотала открытым ртом воздух. Воздух свободы. И все же – горький, как полынь русских степей...

Пробился сквозь толпу мужчина с двумя тарелками каши, приятной на вид и ароматной на вкус. Она машинально взяла в руки ложку. Рядом старый мужчина прикрутил самокрутку, только на фронте такие крутили, потянуло дымом, махоркой. Словно очнувшись от воспоминаний, посмотрела вокруг и сказала

– Сынок, Ванюша, поедем домой...

